

RU

Пушкинская традиция, пушкинский миф и пушкинский текст в русской поэзии второй половины XX века

Круглов Р. Г.

Аннотация. Цель исследования – аксиологическая оценка наиболее распространенных тенденций обращения к наследию А. С. Пушкина (пушкинский текст, пушкинский миф и пушкинский культ) по отношению к пушкинской традиции в русской поэзии второй половины XX века. В статье рассмотрена степень изученности и выведена типология пушкинского присутствия в этом корпусе текстов – проанализированы и сопоставлены различные варианты литературного осмысления и использования творчества и образа поэта. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые дана ценностная характеристика взаимоотношений пушкинской традиции с другими видами обращения к наследию Пушкина в стихотворениях рассматриваемого периода. В результате исследования установлено, что пушкинская традиция в широком смысле включает в себя пушкинские текст, миф и культ, однако они могут вступать в противоречие с ней как с мировоззренческой категорией. Тенденция смешения пушкинского текста, мифа и культа с традицией обусловлена распространением постмодернистской культурной парадигмы на рубеже веков и тысячелетий. Это смешение препятствует изучению поэзии указанного периода и интерпретации Пушкина в ней, поскольку обозначенные тенденции существенно различаются отношением к прообразу.

EN

Pushkinian tradition, myth, and text in Russian poetry in the second half of the 20th century

R. G. Kruglov

Abstract. The research aims to conduct an axiological evaluation of the most prevalent trends in referencing A. S. Pushkin's legacy (the Pushkinian text, myth, and cult) in relation to the Pushkinian tradition in Russian poetry in the second half of the 20th century. The paper examines the extent to which the subject has been studied and derives a typology of Pushkin's presence in this corpus of texts. The work analyzes and compares various options for literary interpretation and use of the poet's writings and image. The scientific novelty of the research lies in its first-ever value-based characterization of the relationship between the Pushkinian tradition and other forms of referencing Pushkin's legacy in poems of the studied period. As a result, the research found that the Pushkinian tradition in a broad sense includes the Pushkinian text, myth, and cult; however, they can contradict this tradition as a worldview category. The trend of mixing the Pushkinian text, myth, and cult with the tradition is driven by the spread of the postmodern cultural paradigm at the turn of the centuries and millennia, which hinders the study of poetry from this period and the interpretation of Pushkin's works within it, as the identified trends have fundamentally different relationships with Pushkin's figure.

Введение

Актуальность исследования обусловлена назревшей необходимостью конкретизации понятия пушкинской традиции, выявления ее специфики по отношению к другим видам обращения к наследию Пушкина в стихотворениях второй половины XX, а также начала XXI века. На рубеже веков тематические исследования зафиксировали тенденции вольной интерпретации и бесконтрольного расширения смыслового поля, связанного с именем и творчеством Пушкина. Говоря о том, что Пушкин – наше все, А. А. Григорьев (2008) указывал на значение поэта как выразителя национального характера в его своеобразии: «Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами». Исходя из понимания Пушкина как национального поэта, вопрос о том,

что такое Пушкин сегодня, сводится к тому, как мы воспринимаем «наше душевное, особенное» сегодня и насколько современная отечественная культура остается русской вследствие столкновений с «другими мирами».

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- опираясь на данные литературоведения, выявить типологию обращения к наследию А. С. Пушкина в отечественной поэзии второй половины XX века;
- обобщить характерные черты пушкинской традиции, пушкинского текста, пушкинского мифа и пушкинского культа;
- определить характер их взаимоотношений.

В основе методологии исследования – ценностный метод, предполагающий анализ транслируемых в произведениях культурных ценностей (Круглов, 2023). Для выявления типологии видов обращения к наследию Пушкина в отечественной поэзии второй половины XX века и определения характера их взаимоотношений использованы сравнительно-типологический метод и метод целостного анализа литературного произведения.

Обращение к наследию Пушкина широко распространено в поэзии второй половины XX века. Материалом исследования послужили те ее явления, в которых ранее были выявлены различные формы этого обращения: это творчество Б. Л. Пастернака, Б. Ш. Окуджавы, Ю. Д. Левитанского, И. А. Бродского, А. С. Кушнера, Д. А. Пригова, Т. Ю. Кибирова, К. Ю. Арбенина, А. А. Тарковского, Д. С. Самойлова. Цитаты приведены по источникам:

- Кибиров Т. Ю. Сантименты. Восемь книг. Белгород: РИСК, 1993;
- Окуджава Б. Ш. Стихотворения / вступ. статьи А. С. Дубшана, В. Н. Сажина; сост. В. Н. Сажина, Д. В. Сажина; примеч. В. Н. Сажина. СПб.: Академический Проект, 2001;
- Пригов Д. А. Написанное с 1975 по 1989. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

Теоретическая основа настоящего исследования – работы по культурологии искусства А. Л. Казина (2013; 2020), в том числе в соавторстве (Казин, Круглов, 2021; Пушкинское наследие..., 2023), а также литературоведческие исследования различных форм обращения к наследию Пушкина в поэзии второй половины XX века (Абельская, 2003; Борисова, 2003; Загидуллина, 2001; Кузьмина, 1999; Лавшук, 2010; Науменко-Порохина, 2018; Туманов, 2013; Шеметова, 2009; 2010; 2011). К анализу также привлекались исследования пушкинской традиции в поэзии других периодов (Мусатов, 2016; Налегач, 2000), критические статьи об интерпретации творчества Пушкина и интервью с литераторами рубежа XX–XXI веков (Левитанский, 2009; Тимофеев, 2021).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания истории современной отечественной литературы, при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам изучения русской поэзии второй половины XX – начала XXI века, а также художественной интерпретации наследия Пушкина и классической литературы в целом.

Обсуждение и результаты

При изучении пушкинской традиции в творчестве тех или иных поэтов XX века, как правило, анализируются пушкинские мотивы в их произведениях, а также выявляются характер влияния Пушкина на того или иного автора, сходство эстетических принципов. К примеру, этот традиционный подход использован в работе А. В. Науменко-Порохиной (2018) применительно к поэзии А. А. Тарковского, Д. С. Самойлова, Ю. И. Левитанского и ряда других авторов второй половины XX столетия. Исследователь выделяет ряд различных типов обращения к наследию Пушкина, а также говорит об общей тенденции исторической мысли и осмысления классики в поэзии второй половины XX века, однако не выводит определения того, что же такое пушкинская традиция. Эта задача на первый взгляд может показаться очевидной, однако, по сути, она и актуальна, и трудновыполнима, поскольку под пушкинской традицией подразумеваются зачастую весьма различные явления. Аналитическая потребность в определении пушкинской традиции есть, поскольку без него это понятие может легко обратиться в формулу «наше всё», где всё – это всё что угодно.

Исходя из работы А. В. Науменко-Порохиной (2018) и ряда других исследований пушкинских традиций в творчестве поэтов XX века (Кузьмина, 1999; Лавшук, 2010; Мусатов, 2016; Налегач, 2000), можно констатировать, что под пушкинской традицией подразумевается, прежде всего, осознание образцовости Пушкина тем или иным поэтом. Эта образцовость порождает преемственность по отношению к Пушкину, которая выражается в обращении к образам Пушкина или его произведений, в цитатах и их осмыслении, в идейно-смысловых, сюжетных, образных и стилистических реминисценциях и аллюзиях.

Среди работ о поэзии XX века наиболее подробно понятие пушкинской традиции как категории освещено в диссертации Л. С. Борисовой, посвященной пушкинской традиции в контексте творчества Б. Л. Пастернака. Исследователь выделяет два варианта понимания термина: узкий (на уровне поэтики) и широкий (на уровне эстетики). В узком понимании «речь идет о присутствии Пушкина в поэтике художественных произведений иных исторических эпох в виде скрытого или явного, демонстративного цитирования пушкинских текстов, вариаций на пушкинские темы, творческого наследования пушкинских мотивов, образов, сюжетов, обращений к пушкинской биографии и пушкинским героям, стремления к простоте и ясности пушкинского стиля. В широком понимании “пушкинская традиция” включает в себя такие составляющие, как универсализм и масштабность творчества, высокая духовность, неповторимое ощущение гармонии бытия, историософская глубина, пафос художественной свободы» (Борисова, 2003, с. 8). Широкое понимание пушкинской традиции предполагает также интертекстуальные связи творчества Пушкина, без которых понимание его творчества

невозможно представить, – «сложный синтез разнообразных культурных традиций как отечественной, так и зарубежной допушкинской литературы, которые классик в свою очередь смог развить, обогатить и преобразовать творчески» (Борисова, 2003, с. 8).

Важность переключки с другими поэтами в творчестве Пушкина, его постоянная вовлеченность в диалог с классиками и современниками дают основание рассматривать его творчество с точки зрения теории интертекста, как это сделано, к примеру, в работе Н. А. Кузьминой (1999, с. 108-117) «Пушкинский текст в современной поэзии». Пушкинский текст – это семиотическая трактовка пушкинской традиции, определенный ракурс ее рассмотрения. Такое восприятие Пушкина предполагает, что его произведения – метатексты, основанные на предыдущих текстах, и одновременно прототексты для последующих текстов. Данный подход основан на идее, согласно которой интертекст обладает свойством генерировать тексты; это предполагает приоритет интертекста над авторским началом (оно не рассматривается или отрицается).

Чтобы точнее выявить типологию пушкинского присутствия в русской поэзии второй половины XX века, необходимо обратиться к исследованиям, напрямую не связанным с этой эпохой. По-видимому, наиболее полная на сегодняшний день разработка категории пушкинской традиции представлена в работах В. Д. Сквозникова, прежде всего в его монографии, которая посвящена писателям XIX столетия и так и называется – «Пушкинская традиция». Исследователь подчеркивает, что литературная традиция – это следование «индивидуальной характерности» ее родоначальника (Сквозников, 2007). Речь идет не только о поэтике и эстетике, но и о философии, «раз духовный феномен Пушкина обнаруживает общекультурное наполнение, а сам он, по определению умнейших людей, предстает наиболее полным русским человеком, то пушкинская традиция неизбежно включает и внехудожественное содержание, т. е. пушкинское индивидуальное миро-отношение в его единстве; она не может мыслиться как простая совокупность отдельных “черт” или поэтических – в самом широком смысле – признаков» (Сквозников, 1980).

Вместе с тем ряд сущностных пушкинских признаков, характерных именно для его индивидуального своеобразия, В. Д. Сквозников выделяет. Во-первых, именно Пушкин первый в русской литературе прошел путь развития от вольтерьянства, либерализма и полутаеизма к народной мысли православного христианина и историка. Отсюда вытекают характерные элементы пушкинской традиции: государственность мысли, патриотическое жизнеутверждение, активное неприятие пропаганды разрушительного освобожденного движения ради постижения подлинного духа народного и укрепления царства русского (Сквозников, 2007). Во-вторых, именно Пушкину органически свойственна легкость создания красоты в простых формах, без усложнения, единым усилием творческого духа, – без последующего развития и наслоения. Отсюда проистекает спор пушкинской и гоголевской линий в русской литературе, о котором писал В. Г. Белинский (1952, с. 359). Как отмечает В. Д. Сквозников (1980), пушкинская традиция по сути чужда бесконечной психологии реализма, которой на весь мир знаменита русская литература: «Через все соблазны “натуральной школы” литературе, вышедшей во многом из “темного” Гоголя, еще долго хотелось и по сию пору хочется “светлого”, – особенно во времена, к нему не располагающие, когда жажда красоты совершенства художественного создания оказывается если и не единственной, то главной или одной из главных целей самого этого создания». Во многом вследствие этого пушкинской традиции присуще стремление к умножению красоты в жизни, к совершенству творения и точности слова-образа (Сквозников, 2007).

Стремясь к конкретности понятия, В. Д. Сквозников говорит о том, что у Пушкина нет и не может быть прямых потомков среди писателей первого ряда, поскольку следование его индивидуальной характерности несовместимо с их собственной характерностью. В контексте исследования современной литературы следует понимать пушкинскую традицию иначе: в концепции исследователя для нас важно, прежде всего, то, что пушкинская традиция – это не простая совокупность обозначенных свойств, а их системная взаимосвязь. Ее идеальное воплощение, прообраз – Пушкин. Этим подтверждается точность понимания пушкинской традиции, представленного в работе А. В. Науменко-Порохиной (2018) (Пушкин как образец).

Необходимо отметить, что осознание образцовости Пушкина отнюдь не предполагает подражания и копирования. Копирование по сути противоположно традиции и сводит ее на нет, подобно тому, как клонирование сводит на нет эволюционное развитие. По словам Ю. С. Левитанского, «пушкинская традиция, и это не трудно доказать, обратившись к его стихам, заметкам о поэзии, есть именно неповторение. Пушкин это болезненно ощущал и все, что он писал о своих современниках, начиналось: а этот не похож на другого, а этот – оригинальный поэт, а этот – отличается от другого. Узнаваемость – слово, которое он любил. Открывать, искать, быть непохожим – это, думаю, и есть традиция великой русской поэзии» (Левитанский Ю. Д. Вверх и вниз по вертикали поэзии. 2009. <https://levitansky.ru/pryamaya-rech/intervyu/vverh-i-vniz-po-vertikali-poezii/>).

Пушкинская традиция в поэзии второй половины XX века – это следование за индивидуальной характерностью Пушкина как за образцом, творческое осмысление и продолжение его в собственном творчестве. Если принять это весьма неполное определение как рабочее, становится ясно, что многие явления в позднесоветской и постсоветской поэзии, связанные с именем Пушкина, не вполне соответствуют пушкинской традиции. К примеру, исследуя пушкинскую традицию в творчестве Б. Ш. Окуджавы, Р. Ш. Абельская (2003) выделила два аспекта пушкинского присутствия в литературе второй половины XX века: «это образ Пушкина и всего, что с ним связано, как прямая тема творчества» и «привлечение Пушкина в союзники в идейной – в том числе и литературной – борьбе». Выделяя аспекты пушкинского присутствия в литературе второй половины XX века, а также различные формы обращения к образу и наследию Пушкина, исследователь ставит акцент не на образцовости Пушкина,

а на обращении к его авторитету. Такой акцент продиктован, очевидно, своеобразием исследуемого материала; симптоматично, что публичные выступления Б. Ш. Окуджавы дают для этого не меньшее основание, чем его поэтическое творчество. В нем, по сути, Пушкин выступает не как образец, а как «сувенир» – броский и неглубокий образ: «Даже царь приглашал его в дом... Он красивых женщин любил... Он умел бумагу марать» (Окуджава, 2001, с. 336) – или фон для фотографии (запечатления самого себя): «На веки вечные мы все теперь в обнимку / На фоне Пушкина! / И птичка вылетает» (Окуджава, 2001, с. 302). Применительно к творчеству Б. Ш. Окуджавы можно говорить о пушкинском тексте, но не о пушкинской традиции в мировоззренческом смысле. Кроме того, в творчестве этого автора и некоторых других шестидесятников просматривается тенденция, давшая основание для выделения такого понятия, как «пушкинский миф».

Пушкинский миф в литературе советского и постсоветского периодов подробно изучен в работах Т. Г. Шеметовой (2009; 2010; 2011). Это совокупность образов Пушкина (а также литературы, общества и всей пушкинской эпохи), существующая в культуре и препятствующая непосредственному восприятию этих образов носителем культуры, который зачастую не подозревает, что находится в поле мифа. Мифы Нового времени, к каковым относится пушкинский, вариативны, подобно архаическим мифам. В силу этого пушкинский миф не может иметь раз и навсегда зафиксированных границ. Пушкинский миф опирается или отталкивается не от архаического мифа (как, к примеру, романтический богоборческий автомиф Байрона), а от творчества Пушкина, реальной биографии поэта и ряда автомифов, сменившихся при жизни поэта, но оставшихся в культуре.

Исключительное значение Пушкина в русской литературе поспособствовало богатству интерпретаций пушкинского мифа, причем авторская актуализация или изменение отдельных аспектов мифа теми или иными писателями приводили к существенной его трансформации. Пушкинский миф – единственный в своем роде литературный миф, вышедший за литературные пределы и ставший частью национального сознания как архетипическая схема. Следует различать понятия пушкинского мифа и культа, – второй существует безотносительно своих литературных и исторических первоисточников и предполагает априорное преклонение перед образом Пушкина.

Сосредоточение на пушкинском мифе как объекте изучения характерно для работ 2000 – начала 2010-х годов (Богданова, 2009; Загидуллина, 2001; Туманов, 2013). Существуют постмодернистские изыскания, специально посвященные явлениям, связанным с Пушкиным лишь номинально, как, например, «Парапушкинистика» Д. Баевского (2021) – исследования литературной мистификации М. И. Армалинского «Тайные записки 1836-1837 годов». На излете эпохи постмодернизма литературоведение зафиксировало виртуализацию образа Пушкина, окончательный разрыв его интерпретаций с прообразом, вследствие чего внимание исследователей сместилось с поэта и его наследия на трансформации бренд-символа «Пушкин». Характерно, что в творчестве поэтов-постмодернистов систематически возникает мысль о том, что разрыв связи между Пушкиным и его вольными интерпретациями должен быть узаконен, поскольку сам по себе Пушкин современной культуре не нужен: «Я бюсты везде бы поставил его, / А вот бы стихи я его уничтожил – / Ведь образ они унижают его» (Пригов, 1997, с. 90).

Создание симулякра Пушкина возникает не только как провокативный ход в позднесоветской и постсоветской литературе, это повсеместная практика массовой культуры. По словам Д. В. Туманова, «многогранно преломлённый, разбитый на фрагменты образ тиражируется в массовом сознании, утверждая некую своеобразную формулу этой дисперсии, выведенную ещё самим Пушкиным в ноябре 1825 г. в письме Петру Андреевичу Вяземскому: “Вот он мал, как мы, и низок, как мы”» (2013, с. 154). Однако, как отметил исследователь, процесс разобщения Пушкина и его образа начался задолго до постмодернизма – возникновение соответствующей государственной идеи-бренда Д. В. Туманов относит к концу XIX века.

В современной социокультурной ситуации, когда представления о Пушкине не обоснованы официальной позицией власти или науки, негласно узаконено мифотворчество – его фундаментом является сама повсеместная слава Пушкина. Исследователи пушкинского мифа констатируют его относительную самостоятельность по отношению к первоисточнику и его огромный мифотворческий потенциал – одни мифические образы способны бесконтрольно порождать другие. Это свойство пушкинского мифа ярко реализовалось в информационной ситуации рубежа XX-XXI веков, для которой характерно разрушение системы ценностных координат, приводящее к неразличению подлинного и фальсифицированного, элитарного и популярного (также, по сути, совершенно разных явлений) (Казин, Круглов, 2021). Особое значение Пушкина в русской литературе как образца, превратно понятое, породило бесконтрольное многообразие его трактовок, при которых образец как таковой может быть спонтанно утрачен или сознательно подменен. Вырванная из контекста статьи фраза А. А. Григорьева «Пушкин – наше все», доведенная до абсурда, привела к тому, что именем Пушкина может быть названа не только улица, но и, к примеру, туалетная бумага (Загидуллина, 2001). Исследователи пушкинского мифа не рассматривают факт его самостоятельности по отношению к традиции в ценностном аспекте, что предполагает с ценностной точки зрения нейтральную или положительную оценку этого факта.

В работах Т. Г. Шеметовой, наиболее полно и разносторонне раскрывающих тему, рассмотрены гносеологический, онтологический и аксиологический аспекты пушкинского мифа. Дана классификация обращений современных писателей к образу Пушкина, при этом выявлены три тенденции: создание независимого авторского образа Пушкина, создание антимифа (фиксация на одной из сторон пушкинского мифа) и создание концепта (абстрагирование слова «Пушкин» от личности и творчества поэта), однако фактически все три представленных варианта – разные типы постмодернистского обыгрывания. Создание антимифа или концепта достаточно определенно маркировано, однако и под созданием авторского образа Пушкина в данном случае понимается его упрощенное и обязательно сниженное осмысление. К примеру, говоря о создании авторского

образа, Т. Г. Шеметова пишет: «...не случаен, по-видимому, и мотив фекалий, человеческих и голубиных, обрамляющих появление и исчезновение этого образа в повествовании» (2009, с. 57). Когда речь заходит о демифологизации образа Пушкина в стихотворениях Т. Ю. Кибирова, как пример создания нового смысла проводится гибель «вертлявого Пушкина» под весом «пудовой духовности»:

Он ужимается в эпитаф,
забит, замызган, зафарцован,
не помесь обезьяны с тигром,
а смесь Самойлова с Рубцовым (1993, с. 302).

По мнению Т. Г. Шеметовой, «за счет во многом революционного “сноса памятника” происходит “воскрешение” писателя во всем многообразии его творчества на основе индивидуально-авторских концепций» (2009, с. 66). Отдавая должное остроумию и версификационному таланту Т. Ю. Кибирова, а также признавая его первостепенное значение в ряду концептуалистов и постмодернистов, нельзя не заметить того факта, что о воскрешении Пушкина в данном акте демифологизации говорить не приходится – констатируется его смерть. Весьма характерно, что представленные в этом стихотворении образы эротического шоу и Шварценеггера показаны как живые и полные силы, в противовес некогда вертлявому, но ныне затихшему под гнетом «пудовой духовности» Пушкину. В центре внимания исследователя мифа – подмена, редукция и деконструкция («снос памятника»), а не интерпретация и не попытка постижения образа Пушкина или его произведений.

Рассматривая процессы мифотворчества, окостенения мифа и демифологизации как естественно сменяющие друг друга, исследователь мифа не рассматривает пушкинскую традицию как обращение к образцу, которое, по-видимому, мыслится как заведомо невозможное – об этом даже не заходит речь. Если воспринимать пушкинскую традицию в обозначенном ранее смысле, то, с точки зрения постмодернистских писателей и ученых, пушкинская традиция мертва, – миф убит и заменил ее. Единственное возможное дальнейшее развитие – это разрушение мифа, которое неизбежно повлечет за собой новую мифологизацию. Этот процесс рассматривается как объективный (как видно, в данной системе координат человек не является субъектом культуры).

Пушкин стал самым востребованным культурным героем русской постмодернистской поэзии (Шеметова, 2009, с. 64); по-видимому, это справедливо и по отношению к прозе, эссеистике, драматургии. По мнению ряда исследователей, такая заинтересованность постмодернистов связана с тем, что Пушкину присущи постмодернистские черты. Один из родоначальников отечественного постмодернизма прозаик А. Г. Битов назвал Пушкина первым постмодернистом (Хрусталева О. Андрей Битов: писателю необходимо состояние истерики // Коммерсантъ. 1997. 29 ноября), говоря о его всеохватности, амбивалентности («певец империи и свободы» (Казин, Круглов, 2021, с. 24)), вариативности. Можно назвать постмодернистскими чертами также склонность к мифотворчеству (биографические автомифы) и распространению мифов культуры (легенда об отравлении Моцарта в основе пьесы «Моцарт и Сальери», перевод в качестве народных «Песен западных славян» П. Мэриме и т. д.). Кроме того, весь арсенал «постмодернистских» приемов, включая многочисленные цитаты, аллюзии, реминисценции, парадоксальное столкновение разностилевых элементов, многочисленные переходы из одного повествовательного плана в другой, смену точек зрения, авторской и разных типов чужой речи – все это Пушкин применил в романе в стихах «Евгений Онегин» (Лотман, 1983). Однако все эти особенности, безусловно, присущие Пушкину, нельзя определить как постмодернистские по существу. Применительно к литературе часто используют парные термины «постмодерн» и «постмодернизм», их следует различать: постмодерн – это парадигма культуры, философия и идеология, а постмодернизм – комплекс приемов, присущий постмодернистскому (выражающему обозначенные принципы мировоззрения) искусству. Однако эстетика и поэтика не всегда совпадают, тем более что поэтологический арсенал постмодернизма появился задолго до распространения постмодерна и изначально с ним не связан.

Черты постмодернизма как парадигмы культуры присутствуют в бытовании пушкинского мифа, однако они чужды пушкинской традиции, которая, в отличие от мифа, соотносится с реальным Пушкиным и его творчеством. Причина массового обращения писателей-постмодернистов к образу Пушкина, очевидно, состоит не в преемственности художественных принципов. Привлекательность пушкинского мифа обусловлена двумя факторами: значимостью Пушкина в русской культуре и высокой вариативностью мифа, обеспечивающей свободу дальнейшей интерпретации. Ценностный смысл вольного обращения с пушкинским мифом становится очевиден в контексте мысли А. А. Григорьева о Пушкине как национальном поэте: манипуляции с Пушкиным – это, в сущности, манипуляции с национальной идентичностью русских, своеобразием русской культуры. Тот факт, что Пушкин стал наиболее востребованным культурным героем отечественного постмодернизма, объясняется постмодернистской интенцией размытия той или иной идентичности, в частности русской.

Однако понимание Пушкина как образца по-прежнему свойственно русской литературе, к примеру, редактор раздела критики журнала «Наш современник» А. Н. Тимофеев в рамках онлайн-встречи в 2021 году на портале «Российский писатель» обозначил центральное значение Пушкина в отечественной традиции: «...нравственность в литературе связана с традицией, а та неразрывно связана с Пушкиным» (Встреча с Андреем Тимофеевым. 2021. <https://rospisatel.ru/vstrecha-s-at-o.html>). В свете этого становится очевидно, что в литературе подмена пушкинской традиции пушкинским мифом может быть не только следствием непонимания (автор сам находится в поле действия мифа) или литературной игрой, но и сознательной информационной атакой, направленной против нравственности и ценностного ядра русской культуры. Симптоматично, что активное обращение исследователей к пушкинскому мифу относится к началу XXI века и сходит на нет после 2014 года, когда в информационном пространстве распространяется идея культурного суверенитета России.

Заключение

Чтобы сделать выводы о взаимоотношении пушкинской традиции с другими видами обращения к наследию Пушкина, необходимо вновь обратиться к сути того, что следует понимать под пушкинской традицией в наши дни. Приведенная цитата А. Н. Тимофеева лежит в русле понимания Пушкина как национального поэта, – современный критик, как некогда А. А. Григорьев, рассматривает личность и творчество Пушкина в качестве образца. Важнейшим катализатором разрастания пушкинского мифа становится то, что под этим образцом каждый понимает свое, – по словам Д. В. Туманова, «миллионы “пушкиных” появлялись и исчезали на планете, начиная с того времени, как формула “мой Пушкин” обрела текстовое воплощение и, в свою очередь, инверсировалась в формулу “Пушкин – мой» (2013, с. 154). Обозначенная инверсия – это утрата Пушкина как образца. Если в эссе М. А. Цветаевой «Мой Пушкин» (1937) есть яркая индивидуальная интерпретация и диалог с поэтом как с живым образцом, то в поэме К. Ю. Арбенина «Пушкин мой» (1995-1998) – снисходительная игра симулякрами. Суть этой перестановки состоит в изменении отношения к классике; если для М. А. Цветаевой классик – собеседник, то для К. Ю. Арбенина – музейный экспонат, подлинность которого сомнительна. Отказ от Пушкина как живого образца – констатация его смерти (как в приведенном тексте Т. Ю. Кибирова) или интерпретация пушкинской традиции как текста были особенно популярны на рубеже XX-XXI веков в связи с широким распространением постмодерна как парадигмы культуры.

Закономерно, что при изучении пушкинской традиции в поле внимания исследователей попадает, прежде всего, пушкинский текст в его буквальных проявлениях – номинальных отсылках, явных реминисценциях и цитатах. Однако то, что относится к пушкинскому тексту, может не соотноситься с пушкинской традицией как мировоззренческой категорией. Именно соответствие философской сути пушкинской традиции следует расценивать как дифференциальный признак принадлежности к ней того или иного произведения. Это значит, что к пушкинской традиции могут относиться и стихотворения, буквально не задействующие пушкинский текст. Кроме того, нередко произведения, буквально обращающиеся к пушкинскому тексту, используют только внешнюю атрибутику образа поэта с целью опереться на его авторитет, как это было показано на примере Б. Ш. Окуджавы, или вступают в спор с пушкинской традицией в ее сущностном смысле, как в рассмотренном тексте Д. А. Пригова.

Пушкинская традиция, если понимать ее широко (как это зачастую происходит при ее изучении в творчестве того или иного поэта), включает в себя пушкинский миф, однако исследования мифа говорят о его полной самостоятельности по отношению к традиции. Некоторые его проявления вступают в явное противоречие с характерными элементами пушкинской традиции как мировоззренческой категории. Иногда – со всеми ее элементами, как это свойственно большинству постмодернистских текстов, в которых задействуется пушкинский миф. Пушкинский культ относится к социокультурному бытованию пушкинского мифа и, вследствие присущей мифу свободы от первоисточника, характеризуется полной независимостью от литературной, культурной и исторической первоосновы.

При изучении пушкинских текста, мифа и культа в поэзии второй половины XX века пушкинская традиция нередко исчезает из внимания исследователей или подменяется пушкинским текстом. Смешение сущностно разных видов обращения к наследию Пушкина фундировано констатацией утраты пушкинской традиции современной культурой. В контексте понимания Пушкина как национального поэта эта утрата обозначает разрыв с ценностным ядром русской культуры. Этот разрыв характерен только для определенного сегмента русскоязычной поэзии обозначенного периода, сосредоточение на нем ведет к подмене целого частью. Зафиксированный исследователями разрыв поэзии конца XX века с пушкинской традицией – это тенденция отклонения от магистрального пути развития русской культуры, а не ее современное состояние.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики следует назвать выявление и анализ элементов собственно пушкинской традиции в русской лирике второй половины XX – начала XXI века, а также определение характера ее интерпретации в творчестве того или иного автора, выведение типологии обращения к пушкинской традиции в стихотворениях изучаемого периода.

Источники | References

1. Абельская Р. Ш. Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2003.
2. Баевский Д. Парапушкинистика 3. Minneapolis: M. I. P. Company, 2021.
3. Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души // Гоголь В воспоминаниях современников / ред., предисл. и коммент. С. И. Машинского. М.: Гос. издат. худож. лит., 1952.
4. Богданова О. В. «Пушкин – наше все...»: литература постмодерна и Пушкин. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009.
5. Борисова Л. С. Пушкинская традиция в контексте творчества Б. Л. Пастернака: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2003.
6. Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. 2008. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a/text_0510.shtml

7. Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2001.
8. Казин А. Л. Классика, модерн и постмодерн. 2013. http://ruskline.ru/analitika/2013/12/30/klassika_modern_i_postmodern/
9. Казин А. Л. Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. СПб.: Российский институт истории искусств; Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020.
10. Казин А. Л., Круглов Р. Г. Искусство в системе культуры: учебное пособие. СПб.: СПбГИКиТ, 2021.
11. Круглов Р. Г. Современная художественная литература: опыт систематизации: монография. СПб.: СПбГИКиТ, 2023.
12. Кузьмина Н. А. Пушкинский текст в современной поэзии // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 2.
13. Лавшук О. А. Пушкинская поэтическая традиция в творчестве В. Ходасевича и И. Бродского // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи: сборник научных трудов по итогам международной конференции (г. Москва, 23-24 июня 2009 г.) / ред.-сост. В. А. Скрипкина. М.: МГОУ, 2010. Ч. 2. Литература Русского зарубежья и продолжатели традиций.
14. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983.
15. Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Азбуковник, 2016.
16. Налегач Н. В. Пушкинская традиция в поэзии И. Анненского: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2000.
17. Науменко-Порохина А. В. Пушкинские традиции в лирике поэтов второй половины XX века // Александръ: литературно-исторический журнал. 24.08.2018. <http://alexlib.ru/literatura/pisatel-i-vremya/pushkinskie-traditsii-v-lirike-poetov-vtoroj-poloviny-hh-veka/>
18. Пушкинское наследие в отечественной культуре: текст и прочтение / под общ. ред. А. Л. Казина; Министерство культуры Российской Федерации. СПб.: СПбГИКиТ, 2023.
19. Сквозников В. Д. К понятию «пушкинской традиции» (Пушкин и поздний Жуковский). 1980. <https://imli.ru/materialy-sotrudnikov/1647-k-ponyatiyu-pushkinskoj-tradicii-pushkin-i-pozdnij>
20. Сквозников В. Д. Пушкинская традиция. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
21. Туманов Д. В. Виртуализация образа А. С. Пушкина в традициях постмодернизма // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155. № 6.
22. Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2011.
23. Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 10.
24. Шеметова Т. Г. Три тенденции в современной литературной «Пушкиномании» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. № 4.

Информация об авторах | Author information

Круглов Роман Геннадьевич¹, к. иск.

¹ Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Roman Gennad'evich Kruglov¹, PhD

¹ St. Petersburg State University of Film and Television

¹ rokrugl@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.06.2024; опубликовано online (published online): 19.08.2024.

Ключевые слова (keywords): пушкинская традиция; пушкинский текст; пушкинский миф; современная литература; поэзия второй половины XX века; Pushkinian tradition; Pushkinian text; Pushkinian myth; contemporary literature; poetry of the second half of the 20th century.